

«ЕГО ЗВАЛИ В КИЕВЕ “СМИРЕННЫМ ФИЛОСОФОМ”». ВЛИЯНИЕ о. ФЕОФАНА (АВСЕНЕВА) НА СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ДУХОВНО- АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ: В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОЦЕНКЕ ПРОТОИЕРЕЯ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО

Сергей Владимирович Ряполов

соискатель кафедры культурологии и изобразительного искусства
Шуйского филиала Ивановского государственного университета
155908, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, д.24
sergey.riapolov@gmail.com

Для цитирования: *Ряполов С. В.* «Его звали в Киеве “смиренным философом”». Влияние о. Феофана (Авсенева) на становление русской духовно-академической философской традиции: в интерпретации и оценке протоиерея Георгия Флоровского // Вопросы богословия. 2020. № 1 (3). С. 170–182. DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-170-182

Аннотация

УДК 13:271-756(091)(47)

В статье рассматриваются основные положения оригинальной философской системы о. Феофана (Авсенева), значительное влияние на которую оказали философия платонизма, православное богословие и мистическое шеллингианство. Согласно мысли протоиерея Георгия Флоровского, о. Феофан (Авсенева) может быть назван наиболее ярким

мыслителем киевской философско-богословской школы. Оказав значительное влияние на формирование киевской духовно-академической традиции, о. Феофан (Авсенеv) сформулировал оригинальное философское учение, основные положения которого были опубликованы, к сожалению, уже после смерти мыслителя в составе «Сборника из лекций бывших профессоров Киевской дух. академии, ... изданного академией по случаю пятидесятилетнего юбилея её» в Киеве в 1869 г.

Ключевые слова: русская духовно-академическая философия, русский платонизм, русская нравственная сотериология, нравственная философия, этика, Пути русского богословия, Г. В. Флоровский, П. С. Авсенеv.

Хотя вопрос о начале русской философии остается открытым, и как отмечает В. В. Варава, «*философствование как бытийное присутствие* коренится в человеке <...> в этом плане возраст философии как философствования равен возрасту человека, поскольку человек, чтобы существовать, не может не философствовать»¹, тем не менее, русская философская мысль 20–40-х гг. XIX в. была столь ярким явлением в истории русской культуры, что нельзя не согласиться с той оценкой этого времени, которую можно обнаружить в сочинениях Г. В. Флоровского: именно «философское пробуждение» словно бы случилось в России в первой половине XIX в.

Наиболее самобытным и оригинальным мыслителем, с которым связано становление киевской духовно-академической философской традиции, и вместе с тем, чья философская система может быть названа «белым пятном» на карте истории русской философской культуры, является философ, богослов П. С. Авсенева (в монашестве о. Феофан). О нём в работе «Пути русского богословия» Г. В. Флоровский писал: «В ряду киевских философов всего ярче образ П. С. Авсенева, затем архимандрита Феофана (1810–1852), принявшего пострижение уже в профессорском звании, по внутренней склонности и влечению. <...> Его звали в Киеве “смирненным философом”. “Его имя долгое время во всех округах Духовного ведомства, после имени Ф. А. Голубинского, было синонимом Философа” (из современного некролога)»².

П. С. Авсенева окончил Воронежское духовное училище и Воронежскую духовную семинарию, где, как отмечал автор Биографической заметки к опубликованному в 1869 г. в Киеве сочинению П. С. Авсенева «Из записок по психологии», «в то время ещё довольно живо и сильно было впечатление»³ оказанное профессором философии И. Я. Зацепиным. Возможно, именно его влияние и повлияло на увлечение П. С. Авсенева философией шеллингианства, в полной мере проявившееся уже в Киевской духовной академии, которую он окончил в 1833 г. со степенью магистра богословия и был сперва назначен бакалавром по классу немецкого языка, а с 1836 г. бакалавром философских наук. В 1839 г. назначен экстраординарным, а в 1845 г. ординарным профессором, в 1846 г. инспектором Киевской духовной академии.

1 Варава В. В. Неведомый Бог философии. М., 2013. С. 142.

2 Флоровский Г. В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 280.

3 Д. П. Биографическая заметка // Феофан (Авсенева), архим. Из записок по психологии. Киев, 1869. С. VIII.

Г. В. Флоровский писал о службе о. Феофана (Авсенева) в Киевской духовной академии: «В Академии он преподавал психологию, преимущественно по Шуберту, и вообще был очень близок к мистическому шеллингианству и к Баадеру, совмещая этот романтико-теософический мистицизм с отеческой аскетикой (особенно любил Макария и Исаака Сирина), также и с Плотинем и с Платоном. Читал он смело и вдохновенно, много говорил о “ночной жизни” души, о загадочных и магических душевных явлениях, о сне и лунатизме, о болезнях души, “о бесновании, магии и волшебстве”»⁴.

В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884), составленным и изданным под редакцией ордин. проф. В. С. Иконникова» есть такие строки: «П. С. Авсенева был одним из ученейших людей России. Он отлично знал языки еврейский, греческий, латинский, немецкий, французский и итальянский; науки богословские, философские, исторические и естественные составляли любимый круг его занятий. В университете П. С. Авсенева читал логику, историю души, историю новейшей философии, нравственную философию в соединении с естественным правом и философию истории»⁵.

Кроме того, с 1838 г. П. С. Авсенева состоял адъюнктом по кафедре философии в Университете св. Владимира, а в 1842 г. был избран секретарем 1 отд. философского факультета.

11 октября 1844 г. (по ст. ст.) П. С. Авсенева пострижен в монахи митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Амфитеатовым) с именем Феофана, а уже 16 июля 1846 г. (по ст. ст.) был возведен в сан архимандрита. Как писал об этом событии в жизни своего бывшего учителя о. Антонин (Капустин): «Решиться на это ему не стоило большого труда, потому что образ жизни его давно уже был истинно монашеский. Постриженный с именем Феофана (11 октября 1844 г.), он понял и принял монашество самым строгим образом, точно так, как оно давно представлялось ему в идее, и как изображено в поразительном священнодействии пострижения»⁶.

В 1844 г. был уволен от службы в университете, а в марте 1850 г. по болезни и от академической службы. В конце жизни был определен настоятелем посольской церкви в Риме, где умер 31 марта 1852 г. (по ст. ст.). «Прибыв летом 1851 г. в Рим, на данное ему настоятельское место при нашей

4 Флоровский Г. В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение. С. 280.

5 Терновский Ф. А. Авсенева, Петр Семенович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 9.

6 Там же. С. 8.

посольской церкви, он в следующем году, ко дню Пасхи, почувствовал близость смерти и готовился к ней, как истинный христианин, хотя впрочем он уже давно был приготовлен к ней. Он скончался в глубоком размышлении: и можно бы дерзнуть подумать, что начатый *здесь* ряд его мыслей, продолжался неизменно *там*, доколе блаженное видение того, что он здесь уловлял только тусклыми идеями не вызвало боголюбивого философа от размышления к вечному созерцанию»⁷, — писал о. Антонин (Капустин).

Отмечаемое Г. В. Флоровским влияние платонизма на философию о. Феофана (Авсенева), особенно заметно при рассмотрении его философской антропологии. Философская система о. Феофана (Авсенева) выстраивается вокруг вопрошания человека о самом себе, поскольку, как отмечал философ, «встречаясь внутри себя с собою, он спрашивает самого себя: *что я есмь?*»⁸. В человеке, согласно мысли о. Феофана (Авсенева), «восходящее влечение твари и нисходящая любовь Творца встречаются между собою»⁹, поскольку душа человека испытывает «глубочайшую потребность соединения с Единым верховным добром»¹⁰, но вместе с тем, «потребно некоторое снисхождение Творца к духу в ответе его восходящему влечению, дабы он мог не только искать Бога, но и находить Его»¹¹. Но, поскольку «Бог необъятен, неошутим и недостижим в существе своём»¹², человеку открываются Его совершенства через мир: как *истина*, составляющая познание существа Бога из мира, *красота*, являющаяся отражением совершенств Бога в мире, *добро*, через которое осуществляются цели Бога в мире.

Е. И. Мирошниченко в работе «Очерки по истории раннего платонизма в России» отмечает, что «влияние Платона на Авсенева было гораздо более мощным, чем может показаться на первый взгляд. ИмPLICITно платонизм содержится во многих его высказываниях»¹³. Так, особенно примечателен, например, образ разума, укрощающего как царь и возница «мятежные порывы бурного пламени»¹⁴, явно отсылающий читателя к текстам Платона¹⁵.

7 Терновский Ф. А. Авсенева, Петр Семенович. С. 8–9.

8 Авсенева П. С. Из записок по психологии. СПб., 2008. С. 19.

9 Там же. С. 65.

10 Там же. С. 21.

11 Там же. С. 65.

12 Там же. С. 65.

13 Мирошниченко Е. И. Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб., 2013. С. 91.

14 Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 303.

15 Так в диалоге «Федр» Платон описывает разум как возницу, управляющего парой крылатых коней: «Один из них прекрасных статей, стройный на вид, шея у него высокая,

Человек, согласно мысли о. Феофана (Авсенева), многосоставен и «совмещает в себе многообразные природы»¹⁶. Соответственно иерархически выстроенному, венчаемому духом, составу человека мыслитель отметит присутствие и в самом бытии некоторой многосоставности, описывает несколько *степеней бытия*, наивысшей из которых является сам человек, и потому *вещественный состав* у него общий у него со всем *неорганическим царством, растительные отправления человека с органическим, растительным царством, земные склонности и способности души с животным царством*, сущностью же человека является его *дух*, неизменно устремленный к Богу. «Разум стремится познавать Бога, сердце ищет исполняться ощущением Его в себе, воля хочет более и более достигать Его»¹⁷, — писал философ. При этом, соответственно указанным степеням бытия мыслитель обосновал и оригинальную историософию, согласно которой как «возвышение бытия вещественного состоит в постоянном приближении к духу человеческому <...> Стремление же духа человеческого есть — приближаться, сколько возможно, к совершенству Духа бесконечного, и степени сего приближения суть различные эпохи истории: жизнь *патриархальная, подзаконная, христианская и блаженная*»¹⁸.

По мнению Е. И. Мирошниченко, учение о. Феофана (Авсенева) о душе как о начале жизни, зиждущем и сохраняющем тело «вполне оригинально и является одним из первых опытов дискурсивного отношения к платонической мысли»¹⁹. Согласно о. Феофану (Авсенева), причину смертности невозможно объяснить без её поиска в духовном бытии человека. Поскольку, по мнению философа, в душе человека существуют две противоположные силы: первая, обращенная на духовное образование, и потому открытая сознанию, и вторая, погруженная в бессознательное состояние, занятая работой по материальному образованию и сохранением тела сила, то, соответственно, если в душе человека начинают превалировать различные душевные пожелания,

храп с горбинкой, масть белая, он черноокий, любит почет, но при этом рассудителен и совестлив; он друг истинного мнения, его не надо погонять бичом, можно направлять его одним лишь приказанием и словом. А другой — горбатый, тучный, дурно сложен, шея у него мощная, да короткая, он курносый, черной масти, а глаза светлые, полнокровный, друг наглости и похвалы, от косм вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрелкалам» (*Plato. Phaedrus 253d–e*. Рус. пер.: *Платон. Собрание сочинений*. Т. 2. С. 162).

16 Авсенов П. С. Из записок по психологии. С. 67.

17 Там же.

18 Там же. С. 74.

19 *Мирошниченко Е. И. Очерки по истории раннего платонизма в России*. С. 93.

то силы души от сохранения тела направляются на эти пожелания. Как отмечает А. Ф. Замалеев, «следовательно, вопрос о продлении жизни связан в первую очередь с духовным самоутверждением, изменяющим и телесно-природное существование человека. Позднее эта позиция закрепляется в теории ортобиоза И. И. Мечникова»²⁰.

Тем не менее, согласно мысли о. Феофана (Авсенева), возникает вопрос: каким же образом изнуряющая желательная сила получила такое неестественное и разрушительное превосходство над животворной силой разума? Поскольку такое губительное влияние желательной силы человек приносит с собою в жизнь уже при рождении, то и причины его нужно искать в прародителях. На страницах сочинения о. Феофана (Авсенева) «Из записок по психологии» особенно место занимает изложение им оригинального учения о *переведении души*, согласно которому все человеческие души, первоначально содержащиеся в праотце человеческого рода Адаме, преемственно переводятся от родителей к их детям, при этом душа «по отношению к родителям, есть их *рождение*, а не творение»²¹. В соответствии с мыслью философа, «душа человеческая происходит от родителей, действием усвоенной их естеству творческой силы, по предопределению Божиего промысла»²².

При этом вопрос о смерти поставлен о. Феофаном (Авсеневым) как проблема нравственной философии. Он писал: «Как ни естественна человеку смерть, при настоящем устройстве природы; однако он может с достоверностью гадать, что она есть некоторое чуждое истинному существу вещей, пришлое зло, — что человек и должен быть и был некогда бессмертен, не только по душе, но и по телу <...> По крайней мере, человек, как существо, по самому понятию своему, соединенное с Богом, как причастник жизни Божией, должен быть изъят из закона смерти»²³. А избавление человека от уз смертности означало бы вместе с тем преобразование всего бытия, «изгнание всякого злонравия и тления и из царства неразумной твари»²⁴. Философия смерти о. Феофана (Авсенева), таким образом, может быть рассмотрена в контексте исканий сотериологической линии русской нравственной философии, наилучшим образом получившим выражение в словах В. С. Соловьева о том, что «весь наш

20 Замалеев А. Ф. «Его имя было синонимом философа» (Петр Семенович Авсенева) // Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 13.

21 Там же. С. 286.

22 Феофан (Авсенева), архим. Из записок по психологии. С. 219.

23 Там же. С. 221–222.

24 Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 298.

мир нераздельно <...> требует спасения»²⁵. Как отмечала С. Г. Семенова: «В христианском представлении человек через грехопадение ниспадает в природный порядок бытия, где как закон существования царит пожириание, половой раскол, вытеснение и смерть. В ценностном плане для христианского сознания этот порядок бытия не есть Божий, он избран человеком свободно в противлении Его воле, а “имущий державу Смерти” со всем её мрачным кортежом похоти, лжи и убийства, как известно, носит имя главного антагониста Бога. Райское состояние становится потерянным идеалом бессмертной, блаженной, божественной жизни <...> Восстановление такого состояния христианская душа чаёт обрести и в будущем, в Царствии Небесном»²⁶. Смертность человека, таким образом, является симптомом болезни бытия, отклонения человека от изначального замысла о нём.

Нравственное вопрошание о смерти в русской философской культуре неизбежно обнаруживает и проблему пола. В «Свете невечернем» С. Н. Булгаков, отмечая эту связь, писал, что «жизнь пола в фактическом её состоянии, как бы она ни протекала, имеет печать трагической безысходности и антиномической боли <...> Духовно-телесное соединение двух в одну плоть, как оно дано в норме творения и как оно хотя бы слабо, но все же предощущается в браке в меру духовного возраста супругов, связано в то же время и с чувством разъединения, убийства, тоски по утрате чего-то дорогого и чистого»²⁷. В философской антропологии о. Феофана (Авсенева) проблема пола рассматривается в контексте его учения об утрате человеком изначального состояния его бытия, и потому мужчина и женщина, в равной мере чувствуя изъян своего бытия, *стремятся к взаимному соединению*, поскольку «полы суть противоположности одного человеческого существа»²⁸, то «только в супружеском союзе человек естественный становится *полным*, истинным человеком»²⁹. Безусловно, истоки этой мысли можно обнаружить уже у Платона в его учении об Эроте как о желании человека обрести изначальную целостность. Нужно согласиться с Г. В. Флоровским, пожалуй, первым отметившим сильное влияние на о. Феофана (Авсенева) философии платонизма³⁰. Тем не менее, платонизм в философии о. Феофана (Авсенева)

25 Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Сочинения. Т. 1. М., 1988. С. 67.

26 Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 6.

27 Булгаков С. Н. Свет Невечерний. С. 258.

28 Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 206.

29 Там же.

30 Флоровский Г. В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение. С. 280.

получил, скорее, его авторское изложение, послужив основанием вполне оригинальной и самобытной философской системы.

В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884), составленном и изданном под редакцией ордин. проф. В. С. Иконникова» можно найти такую характеристику о. Феофана (Авсенева): «Это была симпатичная личность: скромный, ко всему доброжелательный, непрестанно трудившийся над саморазвитием, в собеседовании об ученых предметах всегда ровный и спокойный, — в душе глубоко религиозный и, по складу своего характера, более склонный к монашеской жизни и кабинетной деятельности, чем к жизни светской и семейной»³¹. Многие его бывшие ученики пронесли на протяжении своей жизни отпечаток тех мыслей, которые изложил им во время их обучения о. Феофан (Авсенева). Так, в письмах святителя Феофана Затворника (Говорова), слушавшего лекции о. Феофана (Авсенева), можно обнаружить прямую отсылку к ним: «Основа мира вещественного — атомы <...> Сами, однако ж, они ни движения, ни соединения взаимного иметь не имеют. Все производят действующие в них силы <...> Я допускаю лествицу невещественных сил душевного свойства <...> Субстракт всех сих сил — душа мира <...> Когда Бог говорил: *да изведет земля...* то Ему внимала душа мира и исполняла повеленное <...> Когда надлежало сотворить человека, то не земле дается повеление: *да изведет*, а в тайне Пресвятой Троицы произносится: “*Сотворим!*” ... Тело особо творится из персти. Это было не мертвое тело, а живое с душою животного. В сию душу вдунут дух — Божий дух, предназначенный Бога знать, Бога чтить, Бога искать и вкушать, и в Нем все своё довольство иметь, и ни в чём кроме Его <...> Души, низшие духа и человека, погружаются в душу мира. А душа человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горе, — это по смерти. Помню, на это нам в академии уроки читал Авсенева — сначала Петр Семенович, а потом архим. Феофан»³². Как отмечал А. И. Введенский, именно о. Феофану (Авсенева) «студенты Киевской академии после Скворцова больше всех были обязаны своим философским развитием»³³. Оказав значительное влияние на многих своих учеников, в числе которых были святитель Феофан Затворник (Говоров), философ С. С. Гогоцкий, историк

31 Новицкий О. М. Новицкий, Орест Маркович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 516–517.

32 Феофан (Говоров), еп. Собрание писем. Вып. 2. М., 1898. С. 107–109.

33 Введенский А. И. Философские очерки. СПб., 1901. С. 21.

и богослов о. Антонин (Капустин), философ П. Д. Юркевич и многие другие, о. Феофан (Авсенева) повлиял на становление русской духовно-академической философской традиции, во многом стояв у истоков русского религиозно-философского Ренессанса. О самой русской философской мысли он пророчески писал, что «философия у нас будет иметь характер преимущественно религиозный, ибо религия глубоко укоренилась в нашем духе и вошла в самое существо его»³⁴.

Возможно, воспоминания о. Антонина (Капустина) о жизни своего учителя могут помочь лучше понять, каким был киевский «смиренный философ»: «Надобно сказать, что его добрая и чистая душа, его всегда дружеский и ласковый тон, его сердечный голос, держали его всегда в некоторой особенной связи со слушателями, влекли к нему и внимание и сердце <...> Эта гармония мысли и веры, встречаемой у него там, где иной не мог бы и думать о ней, была поистине поразительна, и слово мудрого наставника делала совершенною драгоценностью. Молва о нём росла с каждым годом. Для посетителей Киева видеть *смиренного философа* (курсив автора. — С. Р.) считалось почти так же важным, как и видеть знаменитого проповедника киевского (ректора академии, а потом еп. Иннокентия). <...> Не любил он никогда ни славы, ни денег, ни роскоши, ни забав, ни особенных удобств домашней жизни. <...> В домашней жизни он был прост, открыт, ласков, общителен, тих и невзыскателен, щедр и благотворителен до самоотвержения; не прилагал сердца ни к чему, что имел, кроме книг, но и на книги не смотрел, как на мертвый капитал; любил давать их всякому читать и сам набивался на это. <...> Любил *музыку* (курсив автора. — С. Р.), но не столько за её приятность, сколько за её математическое и психологическое значение. Проводя всюду параллель между духовным и чувственным бытием, на все изящные искусства смотрел он только с точки их высшего, философского значения. Так смотрел он и на все окружающие его предметы, и на все события истории и своей собственной жизни: от того весь характер его жизни был несколько идеальный»³⁵.

Рассмотрение философской системы о. Феофана (Авсенева), выявление её оснований и обозначение влияния на оригинальную русскую религиозно-философскую мысль второй половины XIX — первой половины XX в. являются важными проблемами в вопросе выстраивания «большого контекста» русской философской мысли, с решением которого напрямую связана сама перспектива русской философии. В сочинениях

34 Авсенева П. С. Из записок по психологии. С. 196.

35 Терновский Ф. А. Авсенева, Петр Семенович. С. 7–8.

о. Феофана (Авсенева) можно обнаружить постановку вопросов, которые получают развитие уже в философии второй половины XIX — XX в. Особенно важной и перспективной проблемой в этом смысле является вопрос изучения философии о. Феофана (Авсенева) как основания наиболее значимого и оригинального направления русской этической мысли — русской нравственной сотериологии, получившей глубокое выражение в его философской системе. Актуальным является рассмотрение философии о. Феофана (Авсенева), влияние на которую Платона было отмечено Г. В. Флоровским, как важнейшей составляющей оригинального направления русского платонизма.

Библиография

- Авсенева П. С.* Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008.
- Булгаков С. Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
- Варава В. В.* Неведомый Бог философии. М.: Летний сад, 2013.
- Введенский А. И.* Философские очерки. СПб.: В. С. Балашев и Ко, 1901.
- Д. П.* Биографическая заметка // *Феофан (Авсенева), архим.* Из записок по психологии. Киев: Киевское Губернское Управление, 1869. С. I–XVI.
- Замалева А. Ф.* «Его имя было синонимом философа» (Петр Семенович Авсенева) // *Авсенева П. С.* Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. С. 3–14.
- Мирошниченко Е. И.* Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб.: Алетейя, 2013.
- Новицкий О. М.* Новицкий, Орест Маркович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884) / ред. В. С. Иконников. Киев: Императорский ун-т св. Владимира, 1884. С. 489–528.
- Платон.* Федр // *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.
- Семенова С. Г.* Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994.
- Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // *Соловьев В. С.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–578.
- Терновский Ф. А.* Авсенева, Петр Семенович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884) / ред. В. С. Иконников. Киев: Императорский ун-т св. Владимира, 1884. С. 6–11.
- Феофан (Авсенева), архим.* Из записок по психологии. Киев: Киевское Губернское Управление, 1869.
- Феофан (Говоров), еп.* Собрание писем. Вып. 2. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1898.
- Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре / отв. ред. Е. М. Чехарин. М.: Наука, 1990. С. 272–378.

«He Was Called in Kiev ‘A Humble Philosopher’»: Influence of Archimandrite Theophan Avsenev on the Formation of Philosophical Tradition in Russian Theological Academies: In the Interpretation and Evaluation of Fr. Georges Florovsky

Sergey V. Ryapolov

Candidate of the Department of Cultural Studies
and Fine Arts at the Shuya Branch of Ivanovo State University
24 Cooperative St., Shuya, Ivanovo region, 155908, Russia
sergeyriapolov@gmail.com

For citation: Ryapolov, Sergey V. “He Was Called in Kiev “A Humble Philosopher””: Influence of Archimandrite Theophan Avsenev on the Formation of Philosophical Tradition in Russian Theological Academies: In the Interpretation and Evaluation of Fr. Georges Florovsky”. *Theological Questions*, 2020, № 1 (3), pp. 170–182 (in Russian). DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-170-182

Abstract. The article discusses the main ideas of Archimandrite Theophan Avsenev’s original philosophical system, which was significantly influenced by the philosophy of Platonism, Orthodox theology, and mystical schellingianism. According to Fr. Georges Florovsky, Archimandrite Theophan (Avsenev) can be called the most prominent thinker of the philosophical and theological school of Kiev. Having had a significant influence on the formation of the theological and academic tradition in Kiev, Archimandrite Theophan Avsenev formulated an original philosophical doctrine, whose main ideas were published after the author’s death in the «Collection of Lectures by Former Professors of the Kiev Academy... Published by the Academy on the Occasion of its 50th Anniversary» in Kiev in 1869.

Keywords: Philosophy in Russian theological academies, Russian Platonism, Russian moral soteriology, moral philosophy, ethics, The Ways of Russian Theology, G. V. Florovsky, P. S. Avsenev.

References

- Avsenev P. S. (2008) *Iz zapisek po psihologii [From the Notes on Psychology]*. Saint Petersburg: Tropa Troyanova (in Russian).
- Bulgakov S. N. (1994) *Svet Nevechernij. Sozercanija i umozrenija [The Unfading Light. Intuitions and Speculations]*. Moscow: Respublika (in Russian).
- Florovsky G. V. (1990) “Puti russkogo bogoslovija. VI. Filosofskoe probuzhdenie” [“Ways of Russian theology. VI. Philosophical Awakening”], in Chekharin E. M. (ed.) *O Rossii i ruskoj filosofskoj kul’ture [About Russia and Russian Philosophical Culture]*. Moscow: Nauka, pp. 272–378 (in Russian).
- Miroshnichenko E. I. (2013) *Očerki po istorii rannego platonizma v Rossii [Essays on the History of Early Platonism in Russia]*. Saint Petersburg: Aleteja (in Russian).
- Plato (1993) “Fedr” [“Phaedrus”], in *Sobranie sochinenij [Collected Works]*, in 4 vols., vol. 2. Moscow: Mysl’, pp. 135–191 (in Russian).
- Semenova S. G. (1994) *Tajny Carstvija Nebesnogo [Secrets of the Kingdom of Heaven]*. Moscow: Shkola-Press (in Russian).

- Solovyev V. S. (1988) “Opravdanie dobra. Nравstvennaja filosofija” [“The Justification of the Good. An Essay on Moral Philosophy”], in *Sochinenija [Works]*, in 2 vols., vol. 1. Moscow: Mysl', pp. 47–578 (in Russian).
- Varava V. V. (2013) *Nevedomyj Bog filosofii [The Unknown God of Philosophy]*. Moscow: Letnij sad (in Russian).
- Zamaleev A. F. (2008) “‘Ego imja bylo sinonimom filosafo’ (Petr Semenovich Avsenev)” [“His Name Was a Synonym for a Philosopher’ (Petr Semenovich Avsenev)”], in Avsenev P. S. *Iz zapisok po psihologii [From the Notes on Psychology]*. Saint Petersburg: Tropa Troyanova, pp. 3–14 (in Russian).